

АЛЕКСАНДР СОСЛАНД

Что же сделал для нас этот человек?¹

К 150-летию Зигмунда Фрейда

Юбилейное эссе

6 мая 2006 года исполнилось 150 лет со дня рождения Зигмунда Фрейда. Важность этой фигуры в истории психологии и в истории культуры переоценить на самом деле невозможно, даже если мы перечислим все его невероятные заслуги. Значение работ Дедушки¹, полагаем мы, невозможно адекватно оценить, если рассматривать их только изнутри психоанализа и психоаналитического сообщества. Бесспорно, он является создателем профессии психотерапевта, как таковой, безотносительно к отдельным школам и направлениям. Полностью разобраться в его наследии можно только, если исходить из большого культурного контекста — вот соответствующая рамка для масштаба его личности.

Он заложил все основы

Большинство проблем, которые обсуждаются в психотерапевтическом сообществе, отчетливо и наглядно были сформулированы, как правило, в классическом психоанализе. Это не значит, разумеется, что другие школы не дают нам никакого оригинального материала для анализа. Фрейдизм — и как учение, и как движение — является образованием наиболее структурно богатым среди психотерапевтических школ. Неудивительно, что в большинстве случаев, когда мы разбираем тот или иной элемент структуры психотерапевтического знания, мы, естественно, устремляем свой взор туда, где этот элемент появился впервые, и это в большинстве случаев именно психоанализ. Правильное понимание значения психоанализа, не в том, чтобы рассматривать его как самостоятельный метод. В этом, самостоятельном своем качестве, психоанализ испытывает давний и глубокий кризис. Объем психотерапевтической работы, выполняемой сегодня психоаналитиками, по разным данным, составляет от 5 до 20 %. Основная историческая заслуга Фрейда заключается именно в создании *базисной опорной структуры* для всего корпуса психотерапевтического знания.

¹ Grossvaeterchen — Дедушка — обиходное прозвище Фрейда в психоаналитическом сообществе.

История психотерапии — история построения «ряда различий» по отношению к текстам Фрейда. Гегелевская трехступенчатая модель тезис — анти-тезис — синтез здесь имеет свое наполнение. История любого метода начинается с психоаналитического ученичества — далее восстание против авторитета учителя, которое завершается синтезом — созданием собственной школы с пафосом, враждебным психоанализу.

Он создал большой словарь

Профессия философа, как нам разъяснили Жиль Делез и Феликс Гваттари², заключается в производстве концептов. Величайший производитель концептов, Фрейд в достаточной мере позаботился о таком важном деле, как создание словаря. Большая часть этого словаря оказалась принята как научным сообществом, так и за его пределами, и вошла в строй современной научной и, частично — обиходной речи. Мы не можем обходиться без «проекций» и «сублимаций», «комплексов» и «либидо», «первичных и вторичных процессов» и многого, многого другого. Неважно, что многие концепты введены не самим Дедушкой и многое придумано не им. Они стали исключительно востребованными именно благодаря отстроеному им интеллектуальному пространству.

Он доказал, что симптом имеет смысл

Без особых преувеличений Фрейда можно считать одним из отцов современной семиотики. Задолго до того как в 1916 г. Ш. Балли и А. Сеше опубликовали «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, Фрейд в «Толковании сновидений» (1899 г.) артикулировал различие между манифестным и латентным содержанием сновидения.

Различные ситуации означивания порождают, соответственно, разные результаты семиотического процесса. К ним относятся клинические симптомы, сновидения, оговорки и описки. Процесс давления желания на семиозис приводит к прорывам «в слабых местах». Этими слабыми местами являются локусы снижения контроля — неважно, идет ли речь о трансе сновидения, о невротической слабости, о житейски-бытовой рассеянности. Желание прорывает «место наименьшего сопротивления» и является нам в некоем измененном виде, требующим расшифровки. В этом, полагаем мы, суть самого важного открытия, сделанного Фрейдом. Он, как известно, значительно сузил зону поиска означаемого, но сформировал эту зону как нечто весьма привлекательное. Сексуальное есть не только желанное за пределами психоанализа, сексуальное — важный манок фрейдовской теории.

Все, что было после него — это не более чем борьба за означаемое. Пришлось долго защищать претензии сексуального на первенство в области означаемого от властного, экзистенциального и прочего. Но это уже были бои, так сказать, местного значения. Что и как надо делать — показал Фрейд, по поводу чего делать — и он, и все остальные.

² Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? Пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.

Он сконструировал желание

Он отделил влечение от намерения. Для любого другого это значило бы то, что его жизнь в науке удалась, для него же лишь малую толику на фоне огромного научного деяния. Что он сделал с сексуальностью — это образец для тех, кто хочет заниматься производством концептов в сфере психологии мотивации. Если бы всем удавалось сделать с концептуализируемыми ими влечениями то же самое, мотивационная психология сегодня была бы намного более процветающей отраслью науки.

Итак, теперь мы знаем, что для формирования достойной и многофункциональной объяснительной мотивационной модели надо в первую очередь правильно выбрать достойное влечение, то есть обладающее богатым объяснительным потенциалом. Выбрав, мы должны подвергнуть его интенсивной и разнообразной обработке, пропустив через множество тематических сфер, оплетая многочисленными валентными связями, обогащая различными контекстами.

Надо построить богатую конфигурацию и разметить картографию. Надо сделать так, чтобы потребитель такой модели ощущал ее серьезную экзистенциальную значимость. Обязательно следует проработать такую тему, как режим формирования образного строя под влиянием желания. Как уже было сказано, надо описать, как мотивация давит на процессы семиозиса, формируя означающее, ставя себя при этом на позицию означаемого. Очень важно иметь в виду «обходные пути», которые ищет и находит желание, чтобы реализоваться так или иначе.

Сексуальное превратилось в универсальную метафору. Создан ряд вполне определенных означаемых, не менее востребованных чем все остальные. Эротическое присваивает множество иных смыслов, занимается производством шифров, претендующих на некую тотальность. Так, например, говоря об унижении кого-либо мы прибегаем к образам кастрации, ситуация соревнования шифруется в духе фразы «х... ми меряться» и тому подобное.

Сексуальное сегодня может выступать и как означающее сплошь и рядом. Снящийся пациенту фаллос или коитус (а не какой-нибудь зонт и подъем по лестнице) может репрезентировать некие скрытые смыслы, нуждающиеся в расшифровке.

Он начертил карту психики

По его инициативе, психика перестала быть однородной и автономной. Гетерогенный взгляд на структуру личности на сегодняшний день — один из общепринятых подходов.

Тема «частей личности», как мы знаем, одна из самых распространенных среди сочинителей школьных теорий. Со времен разграничения психики Фрейдом на сознание и бессознательное, предсознательное (равно как и Я, Сверх-Я, и Оно) множество авторов шло тем же путем. Коллективное бессознательное Юнга, наполненное архетипами, состояния Я у Э. Берна, истинное и ложное Я (этот перечень наверняка далеко не полон). История психотерапии подтвердила: членение на части является с точки зрения практики край-

не сподручным делом. Разделение однородной на первый взгляд психической реальности открывает исключительно богатые возможности как для теоретического сочинительства, так и для технического вмешательства. Это очень распространенный вид «размещения» теоретического капитала.

Итак, некая, относительно автономная от сознания и воли человека, внутренняя его часть, зачастую имеющая вполне определенные, «порочно-запретные», склонности, которой позволено желать то, что возбраняется желать целостному индивиду — вот что, видимо, помимо прочего, лежит в основе привлекательности этой темы. Если бы психологи всегда описывали и разбирали только «разумные» и «добропорядочные» части личности, то этот предмет такого интереса к себе не вызвал бы. Фрейд, разместивший в «Оно» именно «дурные» желания, определил, на наш взгляд, длительный устойчивый интерес к этому делу.

Но с этого членения, не в последнюю очередь начинается все то, что привело к концепции «кризиса субъекта» в современном гуманитарном знании и соответствующего нынешнего кризиса автономности субъекта, но это все тема для другого разговора.

Он подарил нам глубину

Есть нечто первичное, исходное, что определяет некие существенные черты предмета, личности, чего угодно. В основе этих взглядов лежит следующее представление: чем больше мы спускаемся к первоисточкам, тем в большей степени мы сталкиваемся там с явлениями, которые помогают нам прояснить суть и закономерности процессов, с которыми мы имеем дело в настоящем. Чем первичнее, тем важнее для нас тот или иной феномен. Чем в большей степени он отодвинут в прошлое, тем более сильное влияние он оказывает на настоящее. Этим тенденциям развития психотерапевтических теорий в наибольшей степени соответствует известная археологическая метафора, уподобляющая психоаналитическую, например, терапию раскопкам древних цивилизаций.

Как и многое другое в психологии первый раз это представление ясно и выпукло проявляется в классическом психоанализе. Смысл длительной и трудоемкой терапевтической процедуры, помимо всего прочего — углубление в мир раннего детства, поиск первотолчков, первопричин, коренящихся, по замыслу аналитика, именно там. Впечатления, имевшие место там, у истоков, влечения, тогда испытанные, травмы, тогда же полученные, накладывают свой отпечаток на всю последующую жизнь. Все, что имеет отношение к началу, истоку, преследует человека всю оставшуюся жизнь.

Именно у Фрейда, как ни в каком другом подходе, мы имеем дело с фабрикацией «глубины». Глубокое формируется разными путями. Как показывает опыт функционирования психоаналитических концептов, часто — через сокрытие и вытеснение. Существенная часть глубокого сформирована запретами. Глубокое, таким образом, отчасти есть нечто такое, что следует скрывать.

Глубокое в какой-то степени коррелирует с «низким». Не случайно, и с тем, и с другим мы встречаемся при движении «вниз». Пространственное сходство порождает и идеологическую близость обоих концептов.

Глубинно-ориентированный дискурс задает особую оптику. Это *оптика недоверия и подозрения*. Наивный поверхностный взгляд не может «заглянуть за»,

обнаружить скрытое. Это доступно только взору со специальной профундиалистской настройкой.

Глубинно-ориентированный дискурс связан с особым отношением к тайне. За поверхностью, за «покрывалом Майи» есть что-то недоступное взгляду, ребус, подлежащий разгадке. Те, кто в состоянии его разгадать — «хозяева» глубинно-ориентированного дискурса — являются одновременно обладателями неких незаурядных возможностей, вкупе с определенной привлекательностью.

Глубокое, как показал нам Фрейд, так или иначе сформировано прошлым опытом. Поиск глубинных причин тех или иных событий связан с ракоходными путешествиями. Мы удаляемся в прошлое именно за глубиной, обнаруживаем печальное, постыдное, запрещенное.

Он породил совсем нового ребенка

Точнее, снял с его образа ханжескую завесу и постарался исследовать то, что было скрыто. Пробудил огромный интерес к детству, благодаря чему мы имеем и теории привязанности и семейную психотерапию. Не Фрейд, разумеется, был первый, кто говорил об инфантильной сексуальности, но именно он говорил об этом так долго и упорно, а, главное, осуществил столь интересную стратегию концептуализации этого дела, что в итоге все лавры и пинки достались именно ему.

Инфантильное предстало перед нами не просто как наполненное сексуальным содержанием, а просто не осталось места ни для чего другого. Символ чистоты и возвышенного — малютка превратился в *агрегат, состоящий из эrogenных зон*. Каждая из зон актуализировалась в определенный промежуток времени, в этот промежуток играла особую роль в отношениях ребенка с миром. Неадекватное обхождение с этой зоной вело к патологическим последствиям.

Инфантильная сексуальность определена Фрейдом, как полиморфно-перверзная. Ребенок оказался не просто испорченным, а испорченным многократно и разнообразно.

Особый гнев вызвали его труды по концептуализации анальной эротики. Сексуальное просто так еще куда ни шло, но соединить это дело с чем-то совсем грязным и обмазать этой «двойной грязью» чистое дитя — это было самое сенсационное «преступление» Фрейда против морали в ряду всех остальных.

Он столкнул нас с Другим

В основе симптома, проблемы, болезни всегда находится некий Другой. Без него, того, кто ограничивает возможности, или сам агрессивно покушается на будущего клиента, ничего бы не было.

«Другие», с точки зрения психоанализа, всегда «ведут себя дурно», проявляя недостаток любви, агрессию, а главное, ставя преграды на пути осуществления желаний протагониста. Клиент, протагонист истории болезни никогда не сделает. Он — жертва и никто другой. История болезни предполагает, что кто-то так или иначе сделал что-то такое, что привело нашего пациента к болезни и потом его с этой болезнью — к нам, терапевтам.

Он изобрел новый тип отношений

Невозможно себе представить, чтобы какая-либо иная гуманитарная практика шла в сравнение с психоанализом по степени *проникновения в интимное пространство личности*. Соответственно, никакая другая практика не может сравниться и по степени формирования особых тесных отношений. Эти отношения пропитаны интенсивным эмоциональным напряжением, непонятно, где кончается терапия и начинается желание. Среди психоаналитиков распространено мнение, что как раз там, где кончается желание, кончается и терапия. Иначе говоря, перенос и его анализ зачастую есть более важное дело, чем анализ феноменов находящихся вне пределов терапии. То и дело клиент порочит перепутать интимную аналитическую близость с интимной как таковой, и по этому поводу постоянно идут разбирательства в сообществе.

Конечно, речь идет о том, что любовь к терапевту появляется неизбежно, или, по меньшей мере, с высокой степенью вероятности. Разумеется, мы здесь не можем не видеть один из мощных мотивов, толкавших терапевтов на то, чтобы поменять «медь» гипноза на «золото» психоанализа. Где, собственно, сыщешь еще такую терапевтическую практику, когда тебе заранее обещана любовь пациента, причем эта любовь рассматривается, как неизбежная часть рабочего процесса и более того – залог его эффективности?

Конечно, часто мы имеем дело и с разными видами негативного переноса, но не он, ясное дело, определяет привлекательность профессии и сам по себе не имеет такого резонанса.

Он соткал материю психологии

Именно благодаря Фрейду появился своеобразный дискурс, полный психологических подробностей, тонкостей, оккупирующий огромный пласт переживаний, не замечавшихся ранее, не артикулированных до Дедушки иными авторами.

Прошлое стало пониматься как огромный массив полузабытых, смутных воспоминаний. Душевная жизнь в целом обрела совершенно иной статус – она стала богатой, масштабной, очень значительной самой по себе и при этом впервые предстала как объект научного исследования. Психика, ее благополучие превратилось в самостоятельную ценность, требующую надзора, попечения, причем как никогда раньше стало ясно, как это надо делать.

Он принес нам много свободы

До Фрейда были, собственно, две большие психотерапии, гипноз и так называемая рациональная. В первом случае авторитетный, интеллектуально совершенный гипнотизер волевым действием вкраивал в пациента некое предписание, во втором такой же терапевт разъяснял ложные умозаключения. Фрейд внес в работу психотерапевта радикальную либеральную коррекцию.

В психоанализе интенсивно стимулируется собственная активность пациента, т. е. растет удельный объем дискурса пациента в общем объеме текста, порождаемого в процессе терапии. Терапевт не задает целиком, а только направляет речь и действия пациента, которые в той или иной степени носят

спонтанный самостоятельный характер, при обсуждении же их максимально стремится к равному с пациентом «праву голоса» при оценке происходящего, а то и вовсе этой оценки избегает.

В сущности эти изменения начались со знаменитого предложения говорить «*все, что приходит в голову*». «Молчаливый» психоаналитик сменил «многословного» гипнотизера, отдав пациенту существенную часть терапевтического пространства.

Терапевт в новой ситуации стремится наоборот как можно меньше демонстрировать свою профессиональную компетентность, которая дает ему всяческое превосходство над пациентом. Он перестал быть абсолютно уверенным в себе источником интеллектуального и волевого превосходства, все более становясь как бы «просвещенным» пациентом, которому помогла данная терапия, чем он, собственно, и хочет поделиться со своим товарищем по несчастью, не вкусившим пока ещё удовольствия от терапии. Трудно не заметить глубокую внутреннюю связь между требованиями обязательного пациентского опыта и попустительски-нестеснительного отношения к клиентам в послепсихоаналитических школах.

В психоанализе произошло изменение отношения к симптоматике. Симптом перестал быть объектом, подлежащим уничтожению. Аналитик пытается проникнуть в его смысл, оправдывая в известной степени его наличие или даже обосновывая его полезность, как проявления защитных или компенсаторных механизмов организма и личности в целом.

С другой стороны, история психотерапевтического дискурса, начиная с психоанализа, может быть представлена как история борьбы с неким фактором, препятствующим реализации желаний клиента. В самом деле, влияние некой препятствующей силы на развитие невротических расстройств стало основной темой не только психоаналитических теорий. В той или иной редакции «либеральные» дискурсивные ходы присутствуют и в теориях других направлений. Например, неофрейдистская либеральность проявляется, в частности в известном патогенетическом концепте К. Хорни «тирания должностования». Эта «тирания» проявляет себя различными предписаниями, которыми невротик аранжирует свой жизненный мир, делая его невыносимым для себя самого же.

Если бы мы попытались так или иначе описать самое общее действие, осуществляемое психотерапевтами, то это будет борьба против факторов, которые связаны с неким препятствующим, подавляющим, ограничивающим началом. Этот фактор может помещаться «снаружи», может быть интериоризирован. *Дерепрессия* — так следовало бы обозначить основную психотерапевтическую стратегию, осуществляемую так или иначе в самых разных парадигмах. Все психотерапии должны гарантировать клиенту некое пространство свободы и его защищать.

Речь в его трудах, на самом деле, шла не столько о сексуальности, как таковой, сколько о репрессированной сексуальности. Он был одним из тех, кто задал тон в деле формирования дерепрессивного дискурса в европейской традиции. До него «дерепрессия» жила в пространстве социально-ориентированного дискурса, формировалась и обогащалась социальными философами — от утопистов-социалистов до Карла Маркса. Под его руководством она

«переехала» в иную сферу, а именно в «психическое», и там прописалась надолго и основательно. Борьба с репрессией оказалась делом не только группы людей — класса, сообщества, но и отдельно взятого индивида, который приходит за освобождением к другому индивиду — аналитику.

Сексуальные революции, вообще либеральная сексуальная политика обрели научную легитимацию, или, по меньшей мере, видимость таковой. Линия от Фрейда — через Райха и проч. — к Маркузе и другим идеологам революции 60–70-х несомненна.

В современных условиях оживления консервативной идеологии, как реакции на распад семьи, кризис рождаемости и проч. все эти идеи выглядят менее очевидными и более сомнительными, чем тогда, когда они появились, но все равно отмахнуться от них не представляется возможным.

Он заложил основы системы обучения

На сегодняшний день нет такой психотерапевтической школы, где образование не состояло бы из трех элементов: клиентского опыта, супервизии и теоретической выучки. Нет, конечно же, иной терапевтической практики, где требовался бы такой опыт смирения, как в психотерапии. Нет такой терапевтической практики, приобщиться к которой можно только за собственный наличный расчет. Не надо, разумеется, напоминать лишний раз, что все пошло от психоанализа.

Что бы ни говорили статусные психоаналитики, все это довольно нелепая и, безусловно, унижительная ситуация. Нет, и, конечно, не может быть никаких научно выверенных соображений в пользу того, что психотерапевт, имеющий собственный клиентский опыт, будет эффективнее того, кто его не имеет. Именно Дедушке (как, впрочем, и Юнгу, который предложил это первым) все психотерапевты обязаны длительным унижением и неоправданно большими денежными расходами в начале своей карьеры.

Не в последнюю очередь благодаря этому своеобразному образованию, психотерапия является самостоятельной профессией, а вовсе не «довеском» к психологии или медицине, так что те, кто по образованию являются врачами, психологами, педагогами, — не более чем кандидаты на обучение психотерапии. Психотерапевтами становятся, только пройдя соответствующее обучение, приобретя новую профессию — психотерапевт.

Он создал уникальное сообщество

Именно тема, артикулированная Фрейдом особенно отчетливо, сексуальность, сказала на своеобразии профессионального сообщества в психотерапевтическом мире. Благодаря своей сексуальной ориентированности психоанализ стал исключительно скандальным явлением культуры. Уровень этой скандальности существенно превосходил все, что имело место до него. Никакая научная доктрина, включая дарвинизм, не приводила к столь мощной ответной консервативной реакции.

Атмосфера враждебности по отношению к раннему психоаналитическому сообществу имела также и еще один аспект. Во всех известных биографиях

Фрейда обстоятельно и подробно обсуждается «еврейский вопрос». Известно, что, помимо Дедушки, большинство психоаналитиков первого призыва были еврейского происхождения. Не один Фрейд был глубоко убежден в том, что именно еврейское происхождение психоанализа создало его детищу еще большие трудности. Массированная и длительная агрессия, которой подвергся психоанализ привела и к обратной реакции — первые психоаналитики сомкнули ряды, сформировав что-то вроде тоталитарной секты.

Психоаналитическое сообщество было объединено в жесткую структуру, с твердым этическим и дисциплинарным кодексом. Перед лицом внешней агрессии, реальной или преувеличенной, первые психоаналитики тесно сплотились, и поэтому были беспощадны к диссидентам. Собственно, этим двум факторам — «сексуальному» и «национальному» психотерапевтическое сообщество в значительной степени обязано своему своеобразию.

Своеобразие развития психотерапии, помимо всего прочего, заключается в длительном «внеуниверситетском», в сущности, маргинальном существовании. Психотерапия развивалась школами и это обстоятельство наложило некую неповторимую печать на все стороны психотерапевтической жизни.

Мы предприняли попытку описать это своеобразие³ причем попытались сделать это посредством мотивационного концепта и показать, что психотерапевтические школы в значительной степени встроены в несколько другой ряд, чем многие другие научные сообщества. Вот основные моменты нашей концептуализации.

Идеобаллия: деятельность и мотивация

Когда заходит речь об идеологии, всегда имеется в виду дискурс, отражающий определенные интересы, в то время как путь к реализации этих интересов остается едва намеченным.

Ясно, что без такого компонента, как *экспансия*, идеология теряет свой смысл. Она, собственно, создана для того, чтобы распространять себя. Идеология является не только интеллектуальным построением, но и импульсом к деятельности. Она не замкнута в пространстве изолированного индивида, но существует в интерперсональном диалогическом режиме.

Идеобаллия (*idea* — др. греч.: общее свойство, идея, начало, основание, принцип; *ballo* — др. греч.: бросать, кидать, метать) — деятельность, соединяющая в себе оба значения: и производство идеи, и ее распространение в коммуникативном пространстве.

Как уже сказано, идеобаллия реализуется в стремлении личности включить Другого в пространство собственной идеологии, а лучше всего — других, причем количество этих «других» в идеале стремится к большим числам. На основе вышесказанного уже ясно, что идеобаллия, как род деятельности, состоит из трех основных моментов: *производство идеологии*, *распространение* ее в пространстве, *рекрутирование* последователей.

³ Об идеологической сущности психотерапевтического сообщества // Московский психотерапевтический журнал, № 2 (40), 2004, с. 21–43.

Идеобаллическая мотивация удовлетворяется людьми на протяжении множества веков. На ее фундаменте в обществе сформирован особого рода класс. Давно осуществлена *специализация* идеобаллии и с давних времен существуют *идеобаллические специалисты* — философ, священник, политик. Производство идей вместе с их распространением — их главное дело. Существуют также и маргинальные варианты существования идеобаллических персонажей — сектант, революционер и тому подобное.

Одно из главных направлений удовлетворения идеобаллической потребности — формирование *идеобаллического сообщества* (далее — *ИС*). Этот вид сообщества существует в различных редакциях, но имеет свои инвариантные свойства.

Итак, для *ИС* типично следующее:

1. *Единая идеология*. Все сообщество безоговорочно (в худшем случае, с мелкими поправками) разделяет основные принципы групповой идеологии.

2. Зачастую *ИС* формируется вокруг некоей *харизматической личности*. Идея отождествляется с реальным персонажем, и идеобаллическое сообщество формируется вокруг обоих спланивающих факторов — идеологического и личностного. Харизматическая позиция всегда предполагает *сочетание идеологического и организационного лидерства*.

3. В продвинутых *ИС* зачастую принимаются определенные *этические и дисциплинарные кодексы*. Свод предписаний и запретов формируется для поддержания жизнестойкости внутри самого сообщества, а также для усиления внешней экспансионистской активности. *ИС* почти всегда противопоставляют себя другим аналогичным сообществам или же враждебному окружению в целом.

4. Почти всегда *ИС* демонстрирует тенденцию к *экспансии*. Для них вполне типична деятельность, направленная на распространение идеологии и на расширение круга тех, кто с ней связан.

5. Очень часто (хотя далеко не всегда) в *ИС* используются разного рода *экстатические практики*. Транс разного рода — один из важнейших соблазнов подобного рода сообществ. Мы видим глубокий смысл в сходстве аббревиатур *ИС* — идеобаллическое сообщество и *ИСС* — измененное состояние сознания, каким бы случайным оно ни было. Особенно это относится к религиозным и психотерапевтическим типам *ИС* (см. ниже классификацию).

6. Может иметь место всякого рода *идентификационная символика* (гербы и знамена, гимны и ритуалы). Символика может быть непосредственно связана с предыдущим моментом, но главное в ней — сплотить единомышленников в единый организм, создание эмоционально насыщенной коммуникативной ткани внутри сообщества.

7. Идеология в таком сообществе встроена в структуру *групповой динамики*. Эта групповая динамика, как и в любом сообществе, оказывает решающее влияние на положение дел. Своеобразие *ИС* заключается в том, что внутренняя идеология становится важным фактором групповой динамики. Такие факторы, как верность идеологическим принципам, поддержание их «строгости и чистоты», могут оказывать решающее влияние на иерархию в *ИС*, разделять его на лидеров и маргиналов. Она имеет как выраженный внутренний аспект

(отношения между членами *ИС*, иерархическое разделение), так и внешний — отношения с социумом и аналогичными или конкурирующими институтами.

Классификация ИС

Не составит труда перечислить теперь наиболее распространенные идеобаллические сообщества:

1. *Мировые конфессии*, включающие в себя клир и профессиональную паству.

Здесь речь идет о самых заметных в мировой культуре *ИС*. На примере больших конфессий можно проследить все основные особенности сообществ, о которых идет речь.

2. *Культурные сообщества* (в том числе и так называемые *тоталитарные секты*).

Эта сфера маргинальной культуры имеет часто широкий общественный резонанс ввиду активной рекрутирующей политики, ей присущей, противопоставления себя общественным институтам, а также активного противодействия со стороны традиционных конфессий. Однако, в сущности, они мало чем отличаются от больших религий, особенно на ранних этапах их существования. Именно по причине этой схожести (секты — своего рода пародии на мировые религии) они и вызывают на себя интенсивную агрессию традиционалистской части социального спектра.

3. *Эстетические объединения*.

Они провозглашают обычно свое появление на свет манифестом. Это может быть литературное направление — символисты, имажинисты, обэриуты, Серапионовы братья, дадаисты. Музыкальное объединение — русская «Могучая кучка», парижская «шестерка». МХАТ в свой ранний период, театр В. Мейерхольда, театр на Таганке Ю. Любимова. Кинематографические объединения вроде группы «*Cahiers du cinema*» на рубеже 50-х — 60-х, скандинавской «Догмы». Манифест, провозглашающий появление нового направления, встраивает его в определенный социально-политический контекст. Провозглашаются обычно не просто новые эстетические принципы, но и указывается вызов, который размещается в крупнообъемном социальном пространстве. Здесь важно отметить, что идеобаллическая деятельность в этих случаях носит как бы подчиненный характер. Все же самое важное в деятельности этих объединений — художественные практики, производство арт-объектов.

4. *Политические партии* (в зародыше — *революционные ячейки*).

Путь от узкого круга заговорщиков, расклейщиков листовок и бомбистов до крупной политической силы, берущей на себя ответственность за судьбу целой страны, — известный сюжет. В политической идеологии, как правило, весьма подчеркнута роль «экзистенциального врага».

5. Так называемые *неформальные молодежные объединения* — хиппи, панки, скинхэды.

«Возрастной» контекст этих объединений минимизирует удельный объем идеологически ориентированной деятельности. При этом достаточно серьезное внимание уделено акциям, призванным привлечь к ним скандальное внимание, равно как и эпатажной демонстративности во внешнем облике.

«Философия» уступает здесь «спектаклю», хотя ясно, что бросающаяся в глаза внешняя атрибутика строго предписана исходными идейными принципами.

6. *Философские объединения*: Платоновская Академия, Синопские киники. Видимо, Львовско-Варшавская школа, ну и, к примеру, Московский методологический кружок.

7. *Филантропические организации* (вроде Армии спасения). Массонские ложи.

8. *Социалистические* (или какие угодно другие) коммуны.

Это организации вроде знаменитой «Новой гармонии» Роберта Оуэна, представителя так называемого «утопического социализма», основанной им в Америке.

9. *Педагогические течения* (скажем, Вальдорфская школа). Конечно, в этих случаях речь идет не просто об эффективной педагогической практике, но и об определенной антропологической концепции.

10. *Психотерапевтические школы*.

Стремление психотерапии к выходу за пределы собственно терапевтического обихода было давно замечено самыми разными авторами.

Вот как пишет об этом Карл Ясперс: «... Психотерапевт... должен противостоять почти неизбежному стремлению (которое мы наблюдаем на практике) превращать психотерапию в мировоззренческое учение, и формировать из круга, образованного им самим, его учениками и пациентами, сообщество наподобие религиозной секты»⁴. И далее он делится соображениями о том, как избавить психотерапию от «стремления» создавать секты, где все группируются вокруг особо почитаемого учителя, «создавать из психотерапии религию» (*там же*).

Приведенный отрывок свидетельствует в пользу того, что «почти неизбежное стремление», о котором идет речь, очень интенсивное. Это, собственно, и есть идеобаллическая мотивация. Сочетание «мировоззренческого учения» и «секты с особо почитаемым учителем» во главе — два основных идеобаллических компонента: учение плюс сообщество.

Психотерапия наряду с религией, философией, политикой стала исключительно привлекательным местом для размещения символического капитала, психотерапевт стал его держателем.

Он дал миру новый тип духовного лидера

По известному речению Витгенштейна «Философ лечит вопрос: как болезнь»⁵. Собственно, Фрейд, как никто другой обнаружил терапевтическую составляющую культуры, жизни вообще. В любом житейском действии, в любой культурной практике есть терапевтический смысл. Есть, спать, смотреть театральный спектакль, играть в футбол и т. д. — все это, помимо всего прочего, значит заниматься психотерапией.

Известен путь, проделанный психоанализом. Общим местом стало известное утверждение, что он превратился из специального лечебного метода в мировоззренческую систему. Обвинения Фрейда в том, что психоанализ «не терапия, а новая религия» набили оскомину. Здесь речь идет не столько о захвате чужих

⁴ Jaspers K. Allgemeine Psychopathologie, 9 Aufl., Springer, Berlin, 1973, S. 685.

⁵ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I: Пер с нем. М.: Гнозис, 1994, с. 174.

идеологических пространств, сколько о тенденции внутреннего роста или инкорпорирования метафизических дискурсов в психотерапевтическое поле. Практики производства концепций изначально обслуживавшие клинко-терапевтические потребности, легко разрастаются до размеров, позволяющих им обрабатывать несравненно более крупные идеологические пространства. Авторы всех позднейших методов приобрели таким образом возможность начать не с лечебного метода как такового, а с развитой метапсихологической доктрины, и в этом одна из многочисленных исторических заслуг психоанализа.

Сообразив, что все равно после Фрейда так и или иначе придется обзаводиться школьной «философией», авторы иных направлений решили, видимо, не терять понапрасну времени на преодоление пути из медицины в метапсихологию.

Психотерапевтические теории, как и философские системы, по выражению Э. Блоха, являются «руководствами для пророков», «системами теоретического мессианизма». Безусловно, они отражают отнюдь не только потребность в концептуальном постижении мира пациента и природе его страдания (хотя об этом, конечно же, тоже не стоит забывать), но и, как уже сказано, центробежно-властное стремление сформировать собственное идеологически-влиятельное поле.

Он отдал искусство на растерзание психологам

С 60-х годов XIX века психиатры обратили свои взоры к искусству и культуре. Произошло это после публикации книги Ч. Ломброзо «Гениальность и помешательство».

На рубеже XIX–XX веков в патографию пришли психоаналитики. Фрейд обратил свое внимание на соответствие между невротическими расстройствами и образным строем художественного произведения. Акцент с «морфологии» был перенесен на творческую продукцию, а с диагноза — на внутреннюю структуру психики. Психоаналитическая патография обыгрывала изоморфизм структуры семейных отношений и сюжетов ряда литературных творений. То, что в 1910 году было названо Эдиповым комплексом, обнаружилось не только в пьесе «Царь Эдип» Софокла, но и в «Гамлете», «Братьях Карамазовых». Поток литературы психоаналитического направления образовал широкое русло, сам Фрейд не утерял интереса к патографическим исследованиям до конца своих дней.

Сопrotивление психоаналитическому вмешательству в искусство, равно как и психоанализу самих художников, — тема, имеющая широкое хождение. Традиционные представления о «творчестве», как принадлежащем к пространству «возвышенного», находятся в явном противоречии с «заземляющими» психоаналитическими тенденциями. Известны почти комические опасения поэтов потерять свой творческий дар в результате психоаналитического лечения (подобное рассказывали об А. Ахматовой и Р. М. Рильке).

Он сделал психотерапию Большим проектом

Психотерапевтический процесс стал предприятием с уникальным статусом. Этим делом стали заниматься долго. Удельный объем психотерапии в индиви-

дуальном экзистенциальном объеме, его отрезок в расстоянии отдельно взятого жизненного пути стало исключительно большим. «Психолог» в общественном сознании чаще всего ассоциируется с психотерапевтом, университетский исследователь в этой области никак не может с ним в этом соперничать.

Душевное здоровье стало важнейшим фактором политики в обществе. Если говорить по существу, Фрейд вообще сделал понятной связь жизни в целом и душевного здоровья в частности, привлек внимание к этой связи. Как бы он ни трактовал эти отношения, *влияние жизни на психику* первым исследовал именно он.

Сталкиваясь с враждебным миром, будущий пациент не находит способа обрести свои смыслы, реализовать свои возможности. Так, в семейном кругу репрессируются первичные влечения, общество стремится нивелировать личностное своеобразие. Окружающий мир сам по себе проявляет агрессию в адрес индивида (доводя его до в том числе до посттравматического стресса). Вполне естественно, исторически сложилось так, что терапевт выступает в роли как бы адвоката по отношению к пациенту, и прокурора — по отношению к окружающему его миру.

В самом деле, зачастую психотерапия мыслит себя как часть некоего крупного проекта по переустройству общества. Эта традиция, как и многое другое в психотерапии, заложена психоанализом. Она начинается с фрейдовских поздних метапсихологических текстов, таких как «Массовая психология и анализ человеческого Я», «Будущее одной иллюзии», «Неудовлетворенность культурой». Психотерапевты имеют претензию (не лишнюю, конечно, определенных оснований) вмешиваться в круг проблем крупного социального пространства, находящегося как бы за пределами их непосредственных профессиональных интересов, в сфере, издавна отданной на откуп философам, социологам и пр. Культуркритический (и культурстроительский) пафос — слишком заметная позиция в структуре психотерапевтического знания, чтобы ее игнорировать.

Большой проект в психотерапии всегда сформирован в духе оппозиции клиента и окружающего мира. Для психотерапевта важно углядеть, что же именно в культуре является большим патогенным фактором.

При таком расширении психотерапевт делает заявку на идеологическое влияние в совершенно иных размерах. Таким образом, терапевтическая, она же школьная, идеология выходит за собственные профессиональные границы. «Неудовлетворенность культурой» сама по себе существенно увеличивает размеры идеологического пространства психотерапии.

Он сделал психотерапию желанным делом

Внепрофессиональный резонанс психоанализа несравним ни с какой другой отраслью психологии. Если мы возьмем и сложим вместе всех остальных крупных психологов, то их суммарное реноме (вместе взятых) — за пределами профессионального психологического круга вряд ли сможет приблизиться к фрейдову уровню. Правда заключается в том, что именно Фрейд олицетворяет собой персону психолога, психотерапевта для множества непрофессионалов. Именно это следует считать важнейшим политическим преимуществом психоанализа.

Сегодняшнее положение психотерапии в мире внушает чувство восхищения. Тысячи специалистов трудятся на ниве психологической помощи людям во всех мало-мальски цивилизованных странах. Не только жители так называемых постиндустриальных государств имеют возможность получить помощь в этой сфере, но и тех стран, где раньше ни о чем таком и мечтать не приходилось. Для многих тысяч молодых честолюбивых специалистов эта профессия сделалась желанной целью. Карьера практического психолога для сегодняшнего выпускника психологического факультета является намного более привлекательной, чем исследовательская работа.

Крупнейшие психотерапевтические школы превратились в огромные транснациональные империи. Эти империи располагают образовательными учреждениями, печатными изданиями и проч. в самых разных странах. Психотерапевты объединены в многочисленные ассоциации и союзы, психотерапия приобретает все растущее признание со стороны университетской науки и государственных органов здравоохранения.

Став объектом пристального интереса общества, психотерапия получила весьма многое для себя. Психотерапевт стал «сверхэкспертом», главным героем ток-шоу, востребованным советником при власти и деньгах. Князь и купец зовут его в свои чертоги, намного охотнее, чем историка или филолога. Фрейд сделал первый мощный, многое определивший, шаг к созданию сегодняшней могучей психоиндустрии и рынка психологических услуг.

Он создал науку странную и двусмысленную

Психотерапия вообще (и психоанализ в частности) пребывает в поле напряжения между двумя полюсами. Противопоставление номотетического подхода (генерализирующего) и идеографического (индивидуализирующего) в контексте классификации наук давно стало общим местом. Проблема здесь в том, что эти оба подхода сталкиваются на одном поле. Психотерапия не может фундировать себя как естественнонаучная дисциплина, ибо уникальность любой терапевтической ситуации под влиянием множества факторов не уместается в рамки, подходящие для операционализации и количественного исследования. В ней практически невозможна ситуация «экспериментальной воспроизводимости». С другой стороны, психотерапия функционирует в режиме терапевтических дисциплин, где требуется соответствие критериям полезности, эффективности, отчетности. Это, собственно, и определяет своеобразие и противоречия в психотерапии как науке, практике, а также внутри профессионального сообщества.

Он создал главный пример для подражания

Став объектом мощнейшего переноса, он как магнитом, притянул к себе множество проекций, в т. ч. и негативных. *Imitatio Freudi* — стало важнейшим делом для всех психотерапевтов. Вовсе не только для тех, кто занимается психоанализом.

Подражать Фрейду сегодня вовсе не значит заниматься психоанализом, а значит творить новый метод и наращивать вокруг него новую школу. Зани-

маться производством нового мифа и утверждением новаторского ритуала. Тратить на сообщество столько же усилий, сколько на производство метода, как это делал Дедушка. Быть источником оригинального дискурса большого стиля, любой ценой стремиться стать держателем нового символического капитала.

Теперь мы без него — никуда

Elle ne vous lache plus.... Так называется известная книга о психоанализе Франсуа Рустана, и в названии ее заключена глубокая правда (если не говорить о критическом по отношению к психоанализу содержании этой книги).

Фрейд оставил нам в наследство множество противоречий, на разрешение которых уйдут годы. Психоанализ — удивительный феномен, несущий в себе интенсивные властные практики и в то же время ориентированный на обретение свободы. Сообщество психотерапевтов одновременно имеет черты научного сообщества, но при этом и совсем иного вида объединений.

Решению этих противоречий будут посвящены труды уже иных поколений.

Психоанализ давно вошел в нашу интеллектуальную жизнь так плотно, что трудно найти крупного мыслителя в XX веке, который прошел бы мимо его влияния.

Столько прорывов, сколько совершил этот человек, столько открытий, сколько он сделал, столько концептов, сколько он произвел — деяние огромного масштаба. Нет тому примера, чтобы основатель некоей науки сделал в ней столько много, так что остальным остается по большей части уточнять и редактировать.

Можно сколько угодно отыскивать просчеты в его концептуальных стратегиях, перегибы в практике, но мы всегда будем сидеть на берегу этого огромного озера мысли и не переставая оттуда черпать — идеи, подсказки, импульсы, вызовы...